

ПИСАТЕЛИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Биобиблиографический словарь

Предтечи и наследники

Задача настоящего издания проста и понятна – дать своеобразный биобиблиографический портрет каждого члена Союза писателей на Алтае. Но в простоте всегда таятся сложности.

В природе любого явления есть период изначальный. Значит, надо говорить, хотя бы кратко, о предшественниках тех литераторов, которые в 1951 г. составили зародышевое ядро писательского союза. Предшественники – это изначальный субстрат, слой человеческой природы и породы с золотыми зёрнами самородков различной величины и весомости.

Организационно барнаульские писатели в 1920 г. сформировали так называемое «ЛИТО» – объединение местных литераторов, в состав которого вошло более тридцати авторов.

Шестью годами позже поэт и публицист Порфирий Казанский представлял на 1-м Общесибирском съезде писателей Барнаульскую писательскую организацию. До формирования Союза писателей СССР еще было более десяти лет, и это всеобщее событие результативно отзовется на Алтае только после Великой Отечественной войны.

Сложность вторая: как быть с теми писателями, которые начинали свой творческий путь на Алтае, но покинули его? Или – родился человек на Алтае, а как писатель проявился за его пределами. И вот здесь не обойтись без уточнения – в каких условиях, в какой среде может жить-быть писатель, какова стартовая площадка, с которой он является городу и миру.

Сегодня ни у кого нет сомнения, что в XIX в. Барнаул – это один из образованнейших городов Сибири. Достаточно сказать, что автор первого сибирского романа В. Соколовский («Двое и одна, или Любовь поэта» – издан в 1834 г., долгое время жил на Алтае. Согласитесь, не каждый сибирский город посылает в Петербург ежегодно множество своих отроков для продолжения образования, а затем они, умудренные науками, возвращаются в Барнаул. И многие горные инженеры, получив долю столичного миропонимания, могут написать и очерк, и стихотворение, как это делал, например, Алексей Таскин, но литературным фактом его творчество не становится и ныне известно нам только по архивным находкам.

Иван Куцевский (1847–1876), проведя молодые годы в Барнауле, в Петербург уезжает для «похищения знаний». Начинающий литератор, он оглянулся и прозрел – в Барнауле негде печатать свои произведения, нет выхода на публичное обозрение. Это и есть вторая часть сложности периода предшественников – писателю необходимо, чтобы его услышали. И. Куцевского через петербургские газеты и журналы услышали. Свой роман «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» он опубликовал в Петербурге (1871).

Осмелюсь предположить, что если бы И. Куцевский остался в Барнауле и опубликовал свой роман здесь, вряд ли он получил бы всероссийскую известность. Для писателя нужна высота, на которой его видно издалека.

И вот поэтому именно в Петербург шлет в различные издания свои собрания фольклора барнаулец Степан Иванович Гуляев (1805–1888). Правомерен вопрос – надо ли считать С. Гуляева писателем? Ведь он собирает народные песни, песни исторические и былины, бытующие в устном варианте. Не С. Гуляев их сочинил. Он собрал. Но ведь эпос – это форма бытования в русском сознании литературы высокого закала. Материал иной прочности столько веков не пронзит и до потомков русской эпической мысли не долетит. И в этом смысле собиратель фольклора – соучастник творчества, литератор особого покроя и характера, сохранивший устную форму народного

художественного слова. И степень его участия в народном художественном творчестве заключается в сбережении национального предания. Равнодушным такого состояния не дано, а С. И. Гуляев всей своей жизнью и своим собиранием драгоценных крупиц – песен Южной Сибири подтвердил – он в одном ряду с писателями, создающими, создающими картину мира русского человека на Алтае.

Современник С. И. Гуляева Барнаульский городской голова Александр Александрович Черкасов (1834–1895) тоже не публикует на Алтае своих произведений – шлет их в Петербург. Прослужив в Забайкалье 16 лет и очарованный его сдержанной, как бы затаенной, красотой, А. Черкасов появился в Барнауле в 1871 г. уже как автор известного произведения «Записки охотника Восточной Сибири» (1867). Они были рождены с покоряющей любовью к сибирскому краю, и современники ставили А. Черкасова в один ряд с С. Аксаковым. На Алтае вышедший в отставку горный инженер А. Черкасов не свернул с литературной тропы и главные свои алтайские впечатления предъявил читателю в форме «Записок сибирского охотника» (1890). По жанру «Записки...» вроде бы должны фиксировать разные события, таежные сюжеты, встречи на охоте, да так оно и есть – А. Черкасов делает малоприметный промысловый перекресток живописным событием – настолько точно выхвачены из повседневности и характеры, и серая, на первый взгляд, природа. А какие закрома словесные, какие жемчужины народных речений открыл нам этот человек с ружьем! Он был не просто охотником, он был охотником за словом.

К середине XIX в. в общественной жизни Сибири что-то строилось, что-то сдвинулось, и сибирские авторы один за другим публикуют свои статьи и очерки в столичных изданиях. Можно назвать этот период – периодом обретения писательского голоса, и первой ласточкой здесь несомненно надо назвать Григория Николаевича Потанина (1835–1920). Строго говоря, Григория Николаевича с долей приближения к правде, можно отнести к алтайским писателям – он довольно точно определил личную причастность к нашему краю, назвав свой очерк «Полгода на Алтае». Здесь немало важно, что о наших краях читающей России поведал журнал «Русское слово» уже в 1859 г. До этого Алтай был известен и в России и в европейских странах только благодаря научным статьям и дневникам путешественников. Потанинская публикация – первое литературное слово о нашем крае. Вот как просто он излагает свое отношение к казачьей службе на Бийской линии: «Жизнь в Чарышской станице поставила меня близко и к алтайской природе, и к населению казачьих станиц. Алтай привел меня в восхищение...»

Имя Потанина и его связь с Алтаем неизбежно вовлекает в оборот разговора еще одного писателя – предтечу профессионального творческого союза. Это Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894). Нет никакого сомнения в его причастности к литературному делу на Алтае – Н. Ядринцев жил в Барнауле, в Барнауле и похоронен. Основные его сочинения: «Сибирь как колония» (1882) и «Сибирские инородцы...» (1891). Но, кроме того – это автор многих статей, как теперь говорят – проблемных. В лице Н. Ядринцева сибирская литература получила необыкновенно острого публициста, ревнующего со страстью сына о судьбе матери – Сибири.

У Н. М. Ядринцева в 1781 г. появился в печати очерк «Сибирская Швейцария». Называя Алтай Швейцарией, Н. Ядринцев тем самым сверил наш горный край с эталоном европейской красоты, но содержание записок Николая Михайловича недвусмысленно убеждает и по сей день – Алтай неповторим в своей первородности.

В 1911 г. в Барнауле, наконец-то, появилась та самая площадка, которая так необходима для явления писателя публике. Это была газета «Жизнь Алтая». Литературный отдел в ней ведет Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1883–1964). Он заявил о себе пять лет назад первой публикацией в «Семипалатинском листке», но за

это время стремительно развился, вошел в круг томских литераторов, напечатал первые рассказы, на повесть замахнулся. И вот дедушка-Потанин советует ему – надо вернуться на Алтай: там корни, а значит, есть, что осмыслить творчески. Г. Гребенщиков редактировал газету около года и публиковал людей талантливых: В. Бахметьева, С. Исакова, В. Шишкова, П. Казанского, И. Тачалова, И. Модзалевского, А. Пиотровского. Но только городская жизнь – не для Г. Гребенщикова. Он оставляет газету и предпринимает путешествия в глубь Алтая, как он делал это до отъезда в Томск. Алтай – необъятен, но Г. Гребенщиков выбирает дороги и тропы в уголки самые потаенные, даже до староверческих скитов на Убе. Зачем ему эти мытарства дорожные? Он как будто предвидел, что судьба разлучит его с Родиной. И когда наступил 1920 г. так оно и случилось. Оказавшись в Париже, он все еще перебирал в памяти картины родных мест, в душе звучало слово алтайского земледельца-трудника. Еще через четыре года Г. Гребенщиков уехал в Америку, но туда он уезжал уже европейски признанным писателем, как автор «Былины о Микуле Буяновиче», где алтайская действительность времен гражданской смуты предстала во всей своей беспощадности, а над народом нависает апокалиптическими тучами кровавый пар. Со страниц гребенщиковской «Былины...» на европейского читателя дохнул русский эпос минувшего дня. Это о «Былине...» профессор Сорбонны Поль Буайе сказал: «В трилогии «Микула», Гребенщиков – сразу классик». Но меня не покидает вопрос – зачем же Георгий Гребенщиков раз за разом, год за годом выезжал в милый его сердцу Рудный Алтай к староверам, к подножию Белухи и даже в монгольские края, где с трудолюбием пчелы прикипал к соцветию человеческому душой?

На Алтае Г. Гребенщиков не успел полномерно, полноцветно, полнословно раскрыться. Он увез в Америку золотой душевный улей чувства и мысли, и там, в чужой стране, это превратилось в прозу медовой естественности и неподдельности – это эпопея «Чураевы».

Опытные пчеловоды рассказывают: когда переливают мед из медогонки в иные сосуды, мед поет!

Слово Георгия Гребенщикова, переливаясь из сказания в сказание – тоже поет! Вслушайтесь: «...Руки размахнулись вправо, и коса умело уложила на землю широкую ленту скошенной травы с веселыми, еще не успевшими заметить свою смерть, цветами».

Это стоит в одном ряду с толстовским: «... было так тихо, что было слышно, как растет трава...»

Великий голос российский – Федор Шаляпин, проникаясь творчеством Г. Гребенщикова, восклицал в свое время: «Это золоторотные сказания о Матери-России. Когда я читаю «Чураевых», я горжусь, что я Русский, и завидую, что не сибиряк».

Но не забудем и того, что сказал о Г. Д. Гребенщикове наш проницательнейший современник писатель Валентин Распутин: «Русская литература велика и обильна, как и Русская земля, но без Гребенщикова, автора многотомной эпопеи «Василий Чураев», без автобиографической «Егоркиной жизни» и «Былины о Микуле Буяновиче» она была бы неполной».

Ни Первая мировая война, ни две последовавшие за ней русские революции не вызвали какого-то заметного оживления на алтайском литературном фронте. И тем не менее литературный потенциал в Барнауле существовал, что и показал выход книжечек библиотеки «Сибирский рассвет» (1917–18), а затем и журнала под таким же названием (1917). В журнале, который редактировал Степан Ильич Исаков (1884–1921) – человек, познавший тяготы армейской службы, публиковались в основном произведения малого жанра. Это были рассказы и очерки А. Жиликова, А. Ершова, П. Казанского, Г. Пушкарева, стихи П. Драверта, А. Пиотровского и Г. Вяткина.

Есть еще одно имя ныне на Алтае маловспоминаемое. Это Павел Григорьевич Низовой (1882–1940). В своей автобиографии он так охарактеризовал Барнаульский период своего творчества: «Самая лучшая глава вписана в мою жизнь Алтаем». Именно в нашем крае и не всегда в Барнауле, а в Прителецкой тайге написаны П. Низовым такие произведения, как «В горах Алтая» (1925), «В горных долинах» (1924), «Язычники» и «Черноземье» (1923). П. Низовой был одним из активных авторов журнала «Сибирский рассвет», что само по себе закономерно – он не терял возможности представить читающей публике свое творчество.

В значительной мере совершенствованию литературного уровня способствовали публикации в журнале рассказов Алексея Силыча Новикова-Прибоя (1877–1944), заброшенного в Барнаул непредрекаемыми потоками Гражданской войны.

Но наступивший 1920 г. – в Барнауле окончательно утвердились Советы, – навсегда и бесповоротно прекратил выход литературного журнала.

В последующие пятнадцать лет заметных, ярких по мастеровитому слову произведений в газете «Красный Алтай» не появилось.

Барнаул никогда не жил отдельно-отстраненно от Сибири и от России в целом. Сам статус горнозаводского центра давал ему выход в столицу империи, в губернский центр Томск, где к началу XX в. были сосредоточены значительные литературные силы. Но сибирская действительность вносила свои поправки в расположение литературных центров. И это связано в первую очередь с бурным ростом Сиб-Чикаго – Новониколаевска-Новосибирска. В 1922 г. в Новосибирске выходит первый номер журнала «Сибирские огни». Это было событием, знаменующим начало нового этапа литературного творчества – появилась та самая всесибирская площадка, на которой писателя видно издалека. А в Барнауле таковой стартовой точки нет, он стоит в стороне от трансконтинентальных потоков, представляя собой уже бывший центр горнозаводского дела. В те годы Алтай из бывшего золотого кармана империи превращался в хлебный карман страны Советов. Но поскольку общественно-литературная жизнь на Алтае пребывает в безрезультативной стагнации – негде публиковаться! – писатели неумолимо перемещаются в шумно-суетливый, кипящий новыми литературными идеями и проектами Новосибирск.

Литературная погода на Алтае после 1920 г. безоблачна – небо вроде бы чистое, нет никакой тучки, из которой бы на землю пролилась благодать дождя. Барнаул покинул А. Новиков-Прибой, Г. Гребенщиков уже узнал, что такое пыль европейских дорог, В. Шишков давно покинул Сибирь и на Алтай уже не вернется. Приобретенная в армейский период болезнь доканала Степана Исакова – он умер в Москве в 1921 г. от туберкулеза. На какое-то время автор нескольких поэтических сборников, пьес и забористых фельетонов соратник Г. Гребенщикова Порфирий Казанский, имеющий юридическое образование, уходит в тень общественной жизни и преподает географию в губсовпартшколе. Перестал появляться в Барнауле В. Зазубрин, создавший сибирский революционно окрашенный роман «Два мира». Из Барнаула никуда не уехал автор книги рассказов «В тихих лесах» Арсений Жиликов, но и он умер в один год со Степаном Исаковым. Промелькнула столичной звездой в Барнауле Анна Александровна Караваева (1893–1979) и вернулась на небосклон московский. Небеследно она побывала на Алтае – вскоре появится ее «Золотой клюв» (1925), тенденциозное предназначение которого – клеветать пороки Российской империи и Алтайского горного округа.

Но о литературных событиях, связанных с Алтаем, надо судить не по глухим долинам и ущельям, а по вершинам, хотя второе от первого отдельно не существует, а вместе то и другое составляют единый литературный ландшафт.

В 1920–1923 гг. с удивительной одновременностью два далеко разъехавшиеся друг от друга писателя принимаются за произведения, в которых высветится внутреннее сходство.

Далеко от Алтая – в Висбадене Георгий Гребенщиков буквально надиктовывает своей спутнице второе и третье сказание «Былины о Микуле...». Первое – «Из песни слово...» – он написал на озере Белом под Колыванью еще в 1913 г. Но все произошедшее на Алтае позже, пропущенное через сердце писателя, требует выхода. И вот далеко от Алтая, но рожденное его природой, его людьми – его сутью, появляется трагическое, венчающее «Былину...» сказание «Царь Буян».

Одновременно, но тоже далеко от Алтая, в Ленинграде Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) принимается за рукопись романа «Ватага» (1923). Вот как оценивает «Ватагу» сам В. Шишков: «автор нашел возможным исключить историческую фактичность из плана своей работы и поставить в центре романа психологию масс, лишенных идейного руководства. Поэтому все описываемые события сдвинуты с исторического фокуса, характеристики и характеры действующих лиц сгущены, и внешней стороне романа придана эпическая, полусказочная форма».

В романе «Ватага» показан лишь определенный слой восставшего крестьянства, разбавленного бежавшей из тюрем уголовщиной, и притом – в моменты наибольшего разгула необузданных инстинктов».

Не секрет, что прототипом главного героя «Ватаги» – Зыкова для В. Я. Шишкова послужила фигура для Алтая реальная. Это партизан Рогов. В. Шишков никогда не оставлял Алтай своим вниманием. И он соотносил то, что происходит в его любимом крае с разрушительными событиями в стране. А земля и Россия уже хлебнули кровушки – подтвердилось черное пророчество о том, что ось колеса истории смазывается кровью. Буря, беда, трагедия Гражданской войны взметнула, взвихрила, изломала жизнь всех людей: от старообрядцев до марксистов.

Роман «Ватага» В. Я. Шишкова менее известен, чем «Чуйские были» (1914) или знаменитая «Угрюм-река» (1933). Но значение его, по мнению известного сибирского ученого-литературоведа Н. Н. Яновского, для понимания трагедийности гражданской войны в Сибири, для проникновения в стихию русского характера, несомненно очень велико.

В те годы, когда Г. Гребенщиков пожинал европейские лавры и обустроивал свою американскую жизнь, а В. Шишков, отодвинув непонравившуюся партийным лидерам «Ватагу», вынашивал своего «Емельяна Пугачева» (1938–1945), на Алтае формировался неизвестный молодой писатель. Это был беглец из старообрядческой семьи Афанасий Лазаревич Коптелов (1903–1990). Он начинал как журналист в «Звезде Алтая», поселившись в Бийске. Но журналистике А. Коптелова и предшествовало и сопутствовало непрерывно жадное самообразование. В Бийске он и повстречал своих будущих героев – алтайцев. А далее последовали глубокие командировки аж в заповедно замершую в своем развитии Улаганскую окраину, аж в незыблемо кержацкий Уймон. Очерк за очерком, рассказ за рассказом публиковал Коптелов в родной газете, в «Алтайском крестьянине», эскизы, этюды к портретам будущих героев. Окружающим газетчикам и литераторам было невдомек, что молодой писатель, автор не очень-то удачного повествования «Светлая кровь», будто подбирает камешки для нового мозаичного полотна, где жизнь крестьянина-алтайца расцветет в новых красках, в новых устремлениях и смыслах. И вот читателю явился новый роман «Великое кочевье» (1934–1935). Один из героев романа выразил суть происходящего, когда сказал, как пропел песнь путевую: «Теперь Алтай бедный человек последний раз кочует. От единоличного аила в колхоз кочует, избы строит... Великое кочевье».

Пусть в наши дни алтаец обратно в единоличный аил откочевал, все равно роман Афанасия Коптелова остается замечательным произведением, отразившим характеры и судьбы национальных окраин первых лет советской власти. Надо было иметь тонкий слух и редкое, выхватывающее мгновения, зрение, чтобы результат работы писателя стал любимой книгой не только алтайцев, но и множества сибиряков. Творческой удаче автора в немалой степени способствовало его сближение с лучшими людьми Горного Алтая. Градус проникновения в национальный характер только крепчал, когда А. Коптелов встречался с художниками Г. Гуркиным и Н. Чевалковым, он часами слушал сказителя Н. Улагашева, его собеседником был первый писатель среди алтайцев П. Кучияк. А. Коптелов первым уловил искренность желания алтайцев кочевать в сторону единоплебности. Это был древний зов общины – вместе мы сделаем больше, лучше, красивее. Это ли не идеал любой социальной утопии! Своим главным произведением А. Коптелов задал тему великого перехода народов Сибири к иному социально-цивилизационному образу пребывания в мире. Здесь мы имеем дело с рождением нового литературного вектора.

На литературном горизонте Алтая 1930-х гг. есть еще одна личность примечательная. Илья Андреевич Мухачев (1896–1958) родился и возмужал, мужая, в Бийске. К тому времени, когда стало проявляться поэтическое дарование, И. Мухачев успел познать труд лесоруба, печника, кожевника, плотника и землекопа. Казалось бы, участник Первой мировой войны, доброволец в 5-й Красной Армии на Гражданской, И. Мухачев должен был писать о победителях, о сражениях. Но натурщицей И. Мухачева стала не война, а Природа.

*С давних пор, как вешние цветы,
Полюбил Алтай я беззаветно.
Дорогая, полюби и ты
Этот край таежный и рассветный.*

Да, Мухачев пытался писать и о партизанских деяниях, и о колхозном строительстве, он подобно Коптелову погружался в стихию жизни небольшого народа – «Повесть о Демжае-алтайце» (1939–1950) – это одна из лучших его поэм, но глубины лирического проникновения в предмет он достиг, смиренно рисуя Природу. Слово «смирный» в старорусском написании при переводе с греческого означает «симметричный». Относя это слово к И. Мухачеву, можно говорить о его поиске своей личной симметрии с миром. Вот поэтому-то главная героиня его стихов – таежная, луговая, горно-долинная Земля.

Из литературных явлений тех лет заметными для Алтая были еще повести Ефима Николаевича Пермитина (1896–1971) «Капкан» (1930) и «Когти» (1931). Но срабатывает неумолимо условие – писателю необходима печатная площадка, этаким полиграфический подиум. А в Новосибирске с 1922 г. выходит журнал «Сибирские огни». Теперь это старейший толстый журнал России. На свет «Огней...» и слетается из окраинных городов сибирских пишущий народ. И этого пути не миновали ни А. Коптелов, ни И. Мухачев, ни Е. Пермитин. Они перебираются в Новосибирск и, как отмечено в брошюре «Алтайское Беловодье» (Барнаул, 2001): «...в начале сороковых годов, точнее, к началу Великой Отечественной войны, на Алтае не было ни одного литературного издания и ни одного профессионального литератора».

...Литературное затишье на Алтае, связанное с войной 1941–1945 гг., прервалось только к 1947 г., когда писатели-фронтовики Николай Дворцов, Петр Бородкин, Георгий Егоров, Петр Старцев и Марк Юдалевич добились издания ежегодного альманаха «Алтай». Еще через год открылось Алтайское книжное издательство. Два этих события, близкостоящие друг к другу по времени, и явились консолидирующими для

всех, кто уже публиковал свои произведения в краевых газетах и за пределами Алтая. Наступил тот момент, когда рассол литературной жизни достаточно насыщен для кристаллизации.

Один из инициаторов создания альманаха «Алтай» – Елизар Юрьевич Мальцев (Пунко). За роман об алтайской деревне «От всего сердца» в 1949 г. удостоен Сталинской премии.

Вернувшееся с фронта поколение тридцатипятилетних писателей, опубликовавшее свои первые опыты в армейских газетах, не принялось тут же подвергать художественному исследованию свой военный опыт, обретенный волею судьбы и на Западном фронте (Германия), и на Восточном (Япония).

Тем не менее, это был серьезный отряд литераторов, родившихся в 1918–1923 гг. Но не сразу после Великой Отечественной примется за «Книгу о разведчиках» Георгий Егоров, не сразу развернет в памяти картины тяжелого норвежского плена Николай Дворцов, а позже других вернувшийся на Алтай Виталий Шевченко за «Крах Контакуэны» (позже – это повесть «Последний тайфун») примется только через сорок лет после окончания войны с Японией.

Что же происходило с поколением фронтовиков-писателей? Казалось бы, сердечные переживания еще горячи, пиши о войне, пока она в тебе еще не остыла, а у кого-то и засела осколком снаряда.

Но нет темы войны в творчестве алтайских писателей, кроме стихотворных восхищений русской силой и Победой.

Опытный металлообработчик однажды поведал мне секреты поведения чугуна и вообще металла. Полуготовые изделия складывают под открытым небом, и они лежат на морозе и под летним солнцем. Что происходит при этом? В чугунной ли, в прокованной ли заготовке свершается старение металла, отчего он не становится хуже, поскольку в нем постепенно день за днем, год за годом снижается внутреннее напряжение, возникшее в процессе кристаллизации. И после такой тяжелой выдержки в металле при его обработке уже не возникает никаких деформаций, он жестко сохраняет заданные размеры и форму. Невольно возникают аналогии – литературное произведение должно отвечать единству формы и содержания.

Война отлила в душах фронтовиков столько заготовок с таким чудовищным внутренним напряжением, что требовался немалый срок для его снятия. Надо было отдалиться от события, чтобы сгоряча не выдать торопливо рожденную однодневку. И повесть, и роман, и записки о своей или чьей-то судьбе – не биологический ребенок. Все вынашивается не девять месяцев, а иногда и не один десяток лет.

О чем же пишут рожденные в 1920–1925 годы? Они оглянулись на прошлое Сибири и Алтая, как будто им необходимо было осмыслить – какую Родину они защищали, какое историческое богатство было за их спиной на передовых всех западных фронтов. Марк Юдалевич в 1952 г. выпускает в свет повесть в стихах «Ползунов». Десять лет спустя Петр Бородкин издает «Исторические рассказы о Барнауле». Чуть позже появляется знаменитая и неоднократно переизданная бородкинская «Тайна Зменной горы». Николай Дворцов обращал свое внимание на послевоенную мирную действительность – читатель открывает для себя новое имя – это повесть Н. Дворцова «Мы живем на Алтае» (1953). По отношению к современности с ним созвучен роман Н. Павлова «Конструкторы». Жизнь и в городских проявлениях – рассказы М. Юдалевича и Н. Павлова, и в окраинных – повесть Н. Дворцова «В долине Урсула» появляются на страницах краевых газет, публикуются в альманахе «Алтай», а потом выходят и отдельным изданием.

В жанре документального очерка известны многие писатели, но в историческом аспекте наиболее проявился как писатель документалист – В. Ф. Гришаев.

С творчеством названных авторов по тематике, по интересу к ряду происходящих событий в просторах Алтая перекликаются рассказы Ивана Шумилова, изданные в канун освоения целинных земель.

И коль промелькнуло слово «простор», то нельзя не вспомнить знаменитого стихотворения Ивана Фролова – «Кулунда», которое часто цитируют и по сей день:

*Равнина. Равнина.
Ни яра, ни пади.
Равнина – на север,
Равнина – на юг.
Как будто гористую землю разгладил
Гигантский горячий утюг.*

Поэт И. Фролов, будучи корреспондентом «Алтайской правды», исколесил просторы края вдоль и поперек. Он свидетель великого свершения – пахари и сеятели дают иную жизнь степному раздолью. Поэзия, пожалуй, сравнима с легкой кавалерией литературы. Только И. Фролов увидел и соединил в своем творческом порыве и природу Кулунды, ее ресурс минеральный и самый великий результат человеческого дела – возвращенный хлеб. И все это сливается в единый образ – грохочут по железной дороге составы, это Кулунда шлет Родине-матери алтайские, традиционно русские дары – хлеб-соль!

Иван Фролов стал первым членом Союза писателей СССР на Алтае и в 1951 г. возглавил созданное в нашем крае Алтайское отделение Союза писателей.

В те же годы, совпавшие с волной целинной романтики в Барнауле, появляется новый писатель – Лев Квин. Квин для Алтая фигура аллохтонная – он родился и вырос в Прибалтике, в годы войны был членом подпольной организации, побывал в гитлеровских застенках, служил в секретных советских войсках в Венгрии. И вот на Алтае и выходит его приключенческая повесть – следствие пребывания в Венгрии – «Экспресс следует в Будапешт» – в 1955 г. Лев Квин очень увлеченно и плодотворно пишет для детей. Одна за другой выходят его повести и рассказы «В те дни», «Мальчишеские тайны», «Озорники». В продолжении каких-то пяти лет он становится кумиром ребятишек, они зачитывают его книжечки до полной непригодности, а библиотекари дарят ему эти залистанные экземпляры. И через десять и через двадцать лет Лев Квин остался верен своему читателю: «Мы, которые оболтусы» (1969), «До шестнадцати...» (1984). Не сторонится писатель работы и для взрослых, издает романы и пьесы, которые идут на сцене краевого драматического театра.

Детская литература – это не жанр, а способность писателя войти в простор и неожиданность беседы с ребенком, в которой есть потаенный интерес читателя к тому, о чем предлагает узнать ему повествователь или рассказчик. И в этом плане появление книг молодого Виктора Сидорова было, несомненно, литературным событием. Первую книгу он издал в 1959 г. Это была повесть «Тайна белого камня». А дале, с паузой в три-четыре года, следуют повести «Федька Сыч теряет кличку», «Я хочу жить», «Рука дьявола», «Сокровища древнего кургана». С особым интересом встретили подростки «Повесть о красном орленке». Юный читатель получил возможность сопоставить, соизмерить свою судьбу с судьбой их сверстника в годы Гражданской войны.

В самом начале шестидесятых на литературном горизонте Алтая одновременно появляются два новых автора: Иван Кудинов и Виктор Попов. Оба прошли хорошую школу журналистики – И. Кудинов и в годы службы на Тихоокеанском флоте был газетчиком и на Алтае проявился как собкор «Комсомольской правды», В. Попов долгие годы был сотрудником областной газеты на Колыме. И. Кудинов в 1960-е гг. работает более десяти лет на алтайском материале, книги его выходят, я бы сказал, густо,

через два-три года – смотрите библиографию. В. Попов тоже вошел своими произведениями в жизнь края – он гроссмейстер очерка, выходят его «Алтайские были», «Земля и совесть». Но дает о себе знать и колымское прошлое – повесть «Экспедиция спускается по реке» (1972). Но в ряду алтайских повестей И. Кудинова неожиданно появляется герой из прошлого – повесть о художнике И. Шишкине «Сосны, освещенные солнцем». Это симптоматичный экскурс в XIX в., удачный по своему решению. На дворе 1973 г. Через семь лет издается роман – «Окраина», еще через семь – роман «Переворот». Герой – сибиряк, мятежный Николай Ядринцев и художник редкого дара – Чорос-Гуркин. Книги И. Кудинова выходят в Барнауле, Новосибирске и Москве. Писатель не успокаивается в своем художническом анализе прошлого и идет глубже – в век XVIII. В 2003 г. выходит его повесть «Яблоко Невтона» – это о Ползунове. Иван Кудинов своим мастеровитым пером ввел алтайских, сибирских героев в контекст российской литературы. И в то время, когда он выступает как писатель сформировавшийся, Евгений Гуцин только публикует первый сборник рассказов «Чепин, убивший орла». А далее последовали такие литературные вехи, на которые Москва поглядывает с удивлением, и взгляд этот признателен. Е. Гуцин в 1975 г. за повесть «По сходной цене» становится лауреатом премии российского журнала «Наш современник», в 1984 г. его повесть «Бабы поле» удостоена премии ВЦСПС и Союза писателей СССР за лучшее произведение о колхозном крестьянстве. Может быть, лучше всего творчество Евгения Гуцина характеризует вот такая подробность – в школах и университетах Алтая по программе «Региональный компонент в образовании» предметом изучения стали произведения Е. Г. Гуцина, к великой горечи моей, безвременно сошедшего с литературной стези.

Есть в области литературы на Алтае своя недостаточность. Это критика. Критики на Алтае нет. При этом не обходится без парадокса. Много лет в Барнауле жил и работал литературовед и критик Виктор Горн. Но предмет исследований – это книги не тех, кто его окружает на Алтае. Горн избрал предметом своих многолетних исследований творчество нашего великого земляка Василия Макаровича Шукшина (1929–1974). Скажут – легко исследовать знаменитость... Греться в отраженном свете славы... Но Высоцкий не зря прохрипел: «Все не так, ребята!» Горн, как никакой другой шукшиновед, проделал огромную текстологическую работу, сверил с авторской правкой все тексты произведений Василия Макаровича и вместе с редактором В. Казаковым подготовил первое в России пятитомное собрание сочинений нашего замечательного земляка. Это ли не труд! Это не воздаяние ли таланту редкому, пронзительному и до сих пор в полноте не прочитанному! Последнее относится к повести-сказке «До третьих петухов». Это, пожалуй, самое глубокое проникновение В. Шукшина в природу русской души, которую заморские витии вогнали в шаблон загадочных. Да, она загадочна для иноземца, но открыта для русского. Можно бесконечно разглядывать ее, но для В. Шукшина существовала великая разница между «глядеть» и «видеть»!

Видеть и чувствовать – это лейтмотив его творчества.

И Василий Макарович, начиная с первых рассказов, опубликованных в сборнике «Там вдали» (1968), соединял два этих состояния, рисуя портреты земляков. Эту редкую одаренность – тонко соединять неожиданность взгляда и чувства, на самом раннем этапе творчества В. М. Шукшина и отметил писатель старшего поколения, тоже имеющий отношение к Алтаю, долголетний редактор журнала «Новый мир» Сергей Павлович Залыгин, поставивший талант Шукшина-новеллиста в один ряд с А. П. Чеховым.

И еще одна область в творчестве нашего земляка, на которую пока мало обращают внимание исследователи. Это, разумеется, не только богатый запас русского просторечия, изобилующего образными находками, но еще и обращение к золотым кладо-

вым русского фольклора, и даже более локально – тех сел, что прилегают к Чуйскому тракту. Вспомним фильм (и сценарий) «Живет такой парень». Эпизод беседы с пожилой хозяйкой – что означает женщина, вышедшая к дороге с белой тканью? – озадачен Пашка. В классическом фольклорном сюжете (он известен и в Забайкалье), символика женщины у дороги и белой ткани – это судьба, смерть, война к тебе выходят... Но В. Шукшин бережно, не разрушая сюжета, в шоферском сне переплавляет знак судьбы и смерти в знак любви. Жаль, что фольклорную тему в произведениях В. Шукшина изучал москвич П. А. Гончаров, а не кто-то из алтайских шукшиноведов. Без обращения к величию русского народного предания нельзя представить себе ни романа «Я пришел дать вам волю» (1974), ни философской драматической сказки «До третьих петухов».

Поэтический цех созданной в 1951 г. писательской организации проявил себя знаково и в соответствии с духом времени. И. Фролов известен читающей публике как певец Кулунды, Борис Кауров – выпускник Литературного института, много писал о войне, о пограничной службе – это его дань мужеству русского солдата. И когда начинается освоение целины, Б. Кауров находит это душевное качество в русском пахаре, сменившим винтовку на рычаги трактора, на проворный топор строителя. Целина у Б. Каурова ожила в его книгах стихов «Костры не гаснут», «Уходящим на восток», «Белые вербы», «Вдали и рядом», высокое звучание обретает она и в поэмах Б. Каурова «Ильичево поле» и «Глубокий след». Один из сборников тех лет Марка Юдалевича – «Стихи, поэмы, басни» открывается стихотворением характерным для середины века – «С нами Сталин»:

*А самым первым было слово – Сталин,
Оно нам открывало путь вперед,
Мы с этим словом крепи, вырастали
Орлятами, готовыми в полет.*

Но эта заповка патриотическая не определяла творческой энергии автора. Куда энергичнее и в полной мере своего таланта М. Юдалевич проявился в поэме «Алтайский горный инженер». Марк Юдалевич написал, издал около ста книг, но одно из высших его достижений – это поэма о Ползунове.

Рядом с писателями «Первого призыва» проявилось поколение поэтов, родившихся в 1930-1940 гг. Из этого ряда характерна судьба двух поэтов – И. Пантюхова и В. Сергеева. Оба они после учебы в столицах не сразу вернулись на Алтай. И. Пантюхов оказался в Калининграде, а В. Сергеев на другой окраине страны – в Магадане. Но и тот, и другой в своем творчестве не забыли алтайской родины: И. Пантюхов верен избранной морской теме, но его вдохновляют и целинные годы в родном краю. В. Сергеев, отдав дань Северо-Востоку – первый его сборник вышел в Магадане, тем не менее в 1962 г. возвращается в Барнаул. И если на «северах» он занимался переводами чукотских поэтов В. Кеулькута и А. Камытваль, первого эскимосского поэта Ю. Анко, то на родине он принимается за переводы поэтов-алтайцев и немецких поэтов. Творчество В. Сергеева замечено далеко видящим князем русской поэзии А. Т. Твардовским, он пишет ободряющие письма В. Сергееву в Магадан, и они впоследствии вошли в собрание сочинений Александра Трифоновича. Перу В. Сергеева принадлежит более десяти книг стихов и прозаическое повествование об отце, ушедшем на войну.

Леонид Мерзликин родился в то же предвоенное десятилетие, что и два предыдущих поэта, но его натура, его судьба, определили иные поэтические устремления. Мерзликин заявил о себе молодо и ярко – первый поэтический сборник его вышел в Москве в издательстве «Молодая гвардия», автору еще и тридцати нет, и назывался он

непафосно – просто «Купава» (1963). Выбор названия из богатейшей кладовой русского языка характеризует нацеленность поэта, казалось бы, на просторечный, общеходный язык, но богатство смыслов позволяют Мерзликину найти неповторимые оттенки языка в лирических произведениях, взлетающих до пронзительных открытий состояния человеческой души. Из того же народного речевого арсенала черпает Л. Мерзликин слова для своих поэм: «Георгиевский кавалер», «Тансья», «Островитяне» и других, и он находит в тех словах подъемную силу, которая сродни подъемной силе орлиного крыла. Это обретенное и найденное только Л. Мерзликиным – им лично открытое качество слов, их неожиданное соседство, придает его творчеству эпическое звучание.

Мотивы стихотворений Николая Черкасова во многом перекликаются с мерзликинским голосом, но это касается, главным образом, предметного творческого осмысления – родной земли и человека на этой земле. Н. Черкасов нашел свою ноту и свой тон разговора о родном. Одна из его книг так и называется «Милая моя Родина».

Какой поэт не мечтает о том, чтобы его стихотворение было песней. У Н. Черкасова есть строки, вошедшие в народное сознание как песенная примета времени:

*Грустит село по городу,
А город – по селу.*

Редко кто на Алтае умел слушать и слышать деревню так, как Николай Черкасов. Первая книга стихов Владимира Башунова «Поляна» вышла в 1970 г. Автору всего 24 года. Это важно, поскольку в те годы великовозрастность авторов первых книг – 30–40 лет – была некоей нормой – автор созрел для самостоятельного сборника стихов. Башунов созрел рано: от юношеских опытов до поэтических открытий тонкого свойства, которые улавливала чувствительнейшая мембрана его души. Есть потрясения житейские, сродни мощным землетрясениям. Их улавливают все. Но есть и незримые сдвиги, изломы, изгибы общества и личности, которые улавливает только поэт. Он как тонконастроенный сейсмограф денно и нощно на страже перемен в человеке. Сегодня это сравнимо с торсионными импульсами, о которых теперь много говорят и пишут. В. Башунов знал об этих новых открытиях, но своим творчеством он подтверждает, что он занят был тонкими энергиями человеческой души задолго до того, как о них затараторили поборники всяческих новаций. Начиная как автор лирических стихов, он к завершению земного пути возвысился до красоты православного восприятия мира. При этом, находясь много лет рядом с Л. Мерзликиным, он преодолел искушение подражать ему даже в раннем творчестве. Даже в обыденной беседе В. Башунов, когда замолкал, подбирая нужное слово, а ему кто-то подсказывал его, он не повторял подсказки, а через тайну молчанья находил слово свое. А уж когда доходит дело до благодатной ткани стиха – здесь Башунов остается поэтом неповторимым.

Литературный ровесник В. Башунова прозаик Анатолий Кирилин заявил о себе как автор городских рассказов в 1980-е гг., и он, пожалуй, единственный сегодня на Алтае писатель, видящий не мимотекущую жизнь, а пропускающий ее сложный поток через чувства и сердце своих героев. Вчитываясь в его повести, вряд ли представишь себе мир «белым и пушистым». Кирилинский мир – мир обостренного восприятия реальной жизни, о чем автор неоднократно заявляет в своей публицистике последних лет.

Последовавшая за поколением В. Башунова волна литераторов, ставших членам Союза писателей России, представлена на Алтае именами С. Ключникова, С. Котеленца, С. Боженко, С. Филатова, Л. Козловой, Э. Прутковского, И. Семоненкова, Д. Шарабарина, П. Явецкого. У каждого поэта или прозаика из этого ряда есть свой читатель, свои поклонники. Но обидно малые тиражи их книг сегодня не позволяют

говорить о широкой читательской аудитории, которой был вознагражден труд их предшественников. Климат в обществе резко изменился и нет простора поэтическим бурям и ветрам, да и ветер литературный иногда переходит в поветрие.

Из событий последних лет здесь необходимо не забыть прием в Союз писателей большой группы молодых и немолодых авторов. Это были: В. Слободчиков, С. Бузмаков, Т. Баймундузова, И. Булах, А. Лушников, И. Мордовин, А. Строганов и другие.

Помня о добротной публицистике Валерия Слободчикова, задержимся на имени А. Строганова, чтобы понять достоинства нового литературного поколения. Здесь уместно заметить, что писатели, как и грибы, растут слоями. На фоне того урожайного 2001 г. А. Строганов выглядит аномально. Прежде всего – на Алтае драматургов крайне мало. Пьесы Л. Квина и М. Юдалевича были поставлены на Алтае и в Сибири. И только. Будущая знаменитость русского театра недавних лет Михаил Варфоломеев, мир праху его, пожил-пожил в новоалтайской безвестности и уехал в Москву.

Александр Строганов первым вывел свою драматургию на московские подмостки и на сцены театров зарубежных. Уже одна подробность – пьесы А. Строганова поставлены в театре Олега Ефремова, сама по себе высокооценочна. Ранее с нашими драматургами такие театральные зубры, как О. Ефремов, не сотрудничали. А. Строганов аномален и по своему вектору, направленному в подтекст слова и действия, в область подсознательного. Здесь дает о себе знать «гражданская» профессия автора – А. Строганов по профессии психиатр, имеет ученую степень. Но эта подробность вторична, а первично то, что он нашел в себе перекресток научного знания и литературного дела. В том и достоинство А. Строганова.

Принимаясь за послесловие к фундаментальному исследованию «Писатели Алтайского края», я не ставил себе задачи возвести на разновысокие пьедесталы всех членов Союза писателей России в той или иной мере, проявившихся на Алтае. И куда лучше любых слов творчество каждого отдельно взятого прозаика, поэта, драматурга, критика характеризует перечень его произведений и список тех статей, которые о нем написаны. Библиографы здесь поработали как хорошо подготовленный, научно мыслящий отряд. Труд их невидим для постороннего ока, но он огромен по объему. Он сравним с трудом часового мастера – пропустил одно колесико, не так загнул тонкостальную пружину и часы не пойдут, т.е. личное время, в коем пребывает каждый писатель, остановится.

Читаю и перечитываю подвижнический труд библиографический, выполненный профессионалами краеведческого отдела библиотеки им. В. Я. Шишкова и не могу удержаться от восклицания:

Аксиос!

Что в переводе с греческого означает –
Достойно!

Александр Родионов